

Заключение. Взаимодействие семантической и морфологической деривации в виде «наложения» отмечено в сленгизмах, в рамках которых значение производящей основы подвергается полному переосмыслению, порой вплоть до полной утраты смысловых связей между производящим и производными сленгизмами. Данный процесс представлен неравномерно в анализируемых языках. Большие количественные показатели «наложения» в американском сленге обусловлены тем, что значительное число морфологических дериватов представлено сложными словами, в рамках которых каждый компонент может подвергаться семантическому переосмыслению.

Список цитируемых источников

1. Козинец, С. Б. Словарь словообразовательных метафор русского языка / С. Б. Козинец. — С. : Сарат. источник, 2011. — 284 с.
2. Земская, Е. А. Словообразование / Е. А. Земская // Современный русский язык : учеб. для филол. специальностей ун-тов / В. А. Белошапкова [и др.] ; под ред. В. А. Белошапковой. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 1989. — 452 с.
3. Шишов, И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка : комплексное описание русской лексики и словообразования / И. А. Шишов. — М. : АСТ : Астрель : Рус. слов. : Ермак, 2004. — 1022 с.
4. Касаткин, Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант. — М. : Высш. шк., 1991. — 383 с.
5. Янценецкая, М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования : аспект взаимодействия словообразования с лексикой : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / М. Н. Янценецкая. — Днепропетровск, 1983. — 419 л.

УДК 81'37(045)

А. Н. Лундышева

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СБЛИЖЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО И РУССКОГО СЛЕНГА)

Введение. Вторичный характер сленга (далее — СЛ) по отношению к первичной, материнской системе — литературному языку (далее — ЛЯ) — обуславливает существование двух типов сленговых морфологических дериватов: совпадающих и не совпадающих по форме со словом ЛЯ. Подавляющее большинство морфологических производных в сленге формально (по звуковой оболочке) не совпадают со словом ЛЯ (77,9% в американском сленге; 84,6% в русском): *goose* ‘hash’; *giftok* ‘подарок’; *тыркалка* ‘калькулятор’.

Морфологические дериваты, совпадающие по форме со словом ЛЯ, представлены в меньшем объеме (22,1% в американском сленге; 15,4% в русском): *beige* ‘a light-complexioned Negro’; *сачок* ‘дамская сумочка’. Данное деление представляется принципиально важным, так как при определении способа номинации того или иного сленгизма наличие совпадающей по форме со сленгизмом лексической единицы в ЛЯ обуславливает необходимость учета семантической структуры всей лексемы в рамках общенационального языка (сленговые лексико-семантические варианты (ЛСВ) и литературные ЛСВ), а также связей между отдельными ЛСВ.

Кроме совпадения сленгизма по форме со словом ЛЯ, вторым неперемным условием для возникновения процесса сближения семантической и морфологической деривации является производный характер сленгизма. Если сленгизм представлен производной лексической единицей, сближения действия семантической и морфологической деривации не наблюдается, так как механизм морфологической деривации в подобных случаях вообще не задействован, и такие случаи трактуются либо как семантические дериваты, либо как заимствования.

Если же совпадающий по форме со словом ЛЯ сленгизм является морфологическим дериватом, в ряде случаев между словообразовательной парой слов сленга и словообразовательной парой слов ЛЯ образуется квадрат, аналогичный квадрату Гринберга, который может быть как полноценным, так и неполноценным. При этом особый интерес, на наш взгляд, представляют случаи, в рамках которых формируется неполноценный квадрат.

Основная часть. Рассмотрим следующие примеры: *мыло* ‘электронная почта’ (к англ. *mail* ‘почта’) (СЛ) → *мельница* ‘почтовый ящик на сервере или на персональном компьютере’ (СЛ); *бан* ‘вокзал’ (нем. *Bahn* ‘вокзал’) (СЛ) → *баничник* ‘вокзальный вор’ (СЛ).

Как видно из приведенных примеров, сленгизм *мельница* соотносится со своим мотивирующим словом *мыло* так же, как и аналогичное слово ЛЯ со своим производящим (ср. в ЛЯ: *мыло* → *мельница*), поэтому с формальной точки зрения формируемый квадрат является полноценным. В то же время семантическая связь между словом ЛЯ *мыло* и сленгизмом *мыло* отсутствует, так как мотивирующий сленгизм *мыло*, представляющий собой результат паронимической аттракции к англ. *mail* ‘почта’, и литературное слово *мыло* являются омонимами, что имеет своим следствием *мену внутренней формы* сленгизма [1, с. 56].

Таким образом, *неполноценный квадрат* представлен случаями, когда формально сленговая пара воспроизводит словообразовательные отношения пары слов ЛЯ, а семантически — нет, что обусловило интерпретацию этих и подобных производных сленгизмов как морфологических, а не семантических дериватов (0,1% в американском сленге; 1,2% в русском).

Отдельные типы морфологической деривации принимают разное участие в данном процессе. Подавляющее большинство морфологических дериватов в американском и русском сленге, при образовании которых отмечен неполноценный квадрат, представляют собой аффиксальные производные (44% в американском сленге; 88% в русском):

<i>to reef</i> ‘to take in one or more reefs of (a sail)’ (ЛЯ)	→ <i>reefer</i> ‘a person who reefs a sail’ (ЛЯ);
<i>refrigerator</i> (ЛЯ)	→ <i>reefer</i> ‘a refrigerator, usu. a large, commercial refrigerator’ (СЛ);
<i>мокрый</i> (ЛЯ)	→ <i>мокрица</i> (ЛЯ);
<i>мокрить</i> ‘убивать’ (СЛ)	→ <i>мокрица</i> ‘наводчик на грабеж с убийством’ (СЛ).

Иной тип отношений между словом ЛЯ и совпадающим с ним по форме сленгизмом может быть представлен следующими примерами:

<i>Hell</i> ‘ад’ (ЛЯ)	→ <i>heller</i> ‘a remarkable person’ (СЛ), <i>heller</i> ‘a monetary unit of the Czech Republic and Slovakia, worth one hundredth of a koruna’ (от нем. <i>haller</i> ‘a silver coin’) (ЛЯ);
<i>гулять</i> (ЛЯ)	→ <i>гуляш</i> ‘прогулка, хождение’ (СЛ), <i>гуляш</i> ‘кушанье из кусочков мяса, тушеных с пряностями’ (ЛЯ).

В приведенных схемах пара сленгизмов находится в отношениях словообразовательной и семантической производности, в то время как пара слов ЛЯ таких отношений не демонстрирует, что имеет своим результатом *отсутствие квадрата* (16% в американском сленге; 7,5% в русском). При этом только производящие базы оказываются семантически сопоставимыми; производные единицы являются омонимами по отношению друг к другу, что обусловило их трактовку как морфологических дериватов.

Схожая картина отмечена в случаях, когда сленгизм совпадает со словом ЛЯ со стертой этимологией:

<i>under + to stand</i> (ЛЯ)	→ <i>understanding</i> ‘the ability to understand something; comprehension’ (ЛЯ), → <i>understandings</i> ‘the human feet or legs’ (СЛ);
<i>голый</i> (ЛЯ)	→ <i>голень</i> (ЛЯ), → <i>голень</i> ‘порнография, порнографический альбом’ (СЛ);
<i>цапать</i> (ЛЯ)	→ <i>цапля</i> (ЛЯ), → <i>цапля</i> ‘рука’ (СЛ);
<i>белый</i> (ЛЯ)	→ <i>белка</i> (ЛЯ), → <i>белка</i> ‘белая горячка’ (СЛ).

Во всех приведенных примерах слово ЛЯ и совпадающий с ним по форме сленгизм являются морфологическими дериватами и связаны только посредством производящей базы, что приводит к отсутствию взаимодействия семантической и морфологической деривации.

Обращает на себя внимание тот факт, что внутренняя форма подобных слов ЛЯ, с которыми сленгизмы совпадают по форме, на данном этапе развития языка затемнена и восстанавливается в большинстве случаев только путем этимологического анализа. В сленге же в результате действия процесса морфологической деривации наблюдается процесс оживления внутренней формы слов со стертой этимологией [1, с. 33]. Таким образом, в сленге оказывается эксплицитно представленной внутренняя форма лексических единиц, которая в ЛЯ на данном этапе его развития представлена имплицитно. Похожая ситуация наблюдается в случаях народной этимологии, когда «в результате случайно возникшего частичного фонетического совпадения этимологически неродственные слова начинают связываться друг с другом» [2, с. 262]. Данное явление обусловлено важнейшим свойством языка — его системностью и имеет место в тех случаях, когда подлинная этимология слова затемнена и слово лишено каких-либо других более обоснованных связей, в результате чего наблюдается «естественное стремление носителя языка найти знакомые элементы в слове» [2, с. 262].

Подавляющее большинство анализируемых морфологических дериватов в американском сленге являются конверсивами (56%). В большинстве случаев такие производные являются результатом неоднократного действия словообразовательной модели на базе одного значения производного: *flush* ‘a wealthy person’; *innocent* ‘a liberal, white supporter of the negro civil rights movement’. В русском сленге в целом в рамках данного процесса шире представлена аффиксация (80%).

Заключение. Отнесение производного сленгизма, по форме совпадающего со словом ЛЯ, к результату семантической или морфологической деривации во многих случаях сопряжено с трудностями, обусловленными вторичным характером сленга по отношению к системе ЛЯ. Определение статуса производного слова (семантический или морфологический дериват) во многих случаях оказывается возможным только с учетом его деривационной истории, что имеет своим результатом градуируемый характер процесса сближения семантической и морфологической деривации.

Список цитируемых источников

1. Лукашанец, Е. Г. Словообразовательная система русского арго и проблемы ее описания / Е. Г. Лукашанец. — Минск : МГЛУ, 2007. — 300 с.
2. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль ; пер. А. А. Холодовича. — М. : Изд-во иностр. лит., 1960. — 500 с.

УДК 81'42

А. Ф. Макарова, О. В. Леон

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ РОЛЕВО-КОММУНИКАТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ ЗАПРЕТОВ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Введение. Речевое поведение упорядочено разными нормами и правилами, диктующими представителям той или иной культуры конкретные пути вербального и невербального взаимодействия для гармоничной и плодотворной коммуникации. Чтобы избежать коммуникативных неудач, необходимо придерживаться речевых норм той или иной лингвокультурной общности и не сталкиваться с нарушением речевых запретов, в связи с чем возникает потребность в изучении гендерно-специфических речевых запретов в британской и американской лингвокультурах в сравнительно-сопоставительном аспекте. Неполная решенность данной проблемной задачи, стоящей перед современной лингвистикой, определяет актуальность данного исследования.

Цель исследования состоит в выявлении гендерных и лингвокультурных различий в актуализации ролево-коммуникативных речевых запретов в современной британской коммуникативной среде.

Объектом исследования являются ролево-коммуникативные речевые запреты. Предметом исследования являются общие и специфические черты вербализации речевых запретов в гендерно-лингвокультурном аспекте британской диалогической речи.

Основная часть. Материалом для данного исследования послужили романы современной британской писательницы Софи Кинселлы (Sophie Kinsella, настоящее имя — Маделин Уикем (Madeleine Wickham)), “Shopaholic Ties the Knot” [1], “Confessions of a Shopaholic” [2] и “Shopaholic and Sister” [3], из которых было отобрано 14 диалогических единств, представляющих собой контексты актуализации речевых запретов посредством корректирующих метасообщений. Под ролево-коммуникативными этноречевыми запретами подразумевается свод коммуникативных правил, которые определяют то, как следует формировать вербальный образ действий коммуниканта в соотношении к его общественному положению [4].

Ролево-коммуникативные запреты, отраженные в произведениях британской писательницы, составляют 43% выборки (6 диалогических единств). Большинство корректирующих сообщений при этом адресовано женщинами мужчинам (50%), в то время как 33% коррекции ролево-коммуникативных запретов адресуются мужчинами женщинам, 17% — женщиной женщине.

Содержание ролево-коммуникативных запретов, адресованных женщинами мужчинам, заключается в определенных аспектах.

1. Запрет на негативные или иронические высказывания мужчины о друзьях женщины:

“So, these weird cousin-marrying friends of yours,” he says. “What’s that about?”

“They’re not weird!” (1). I hesitate for a moment. “Well, OK, Tarquin is a tiny bit weird (2). But Suze isn’t weird at all. She’s my best friend! (3). You’ve met her!”

Danny raises an eyebrow. “So — couldn’t they find anyone else to marry except their own family? Was it like, ‘OK, Mom’s taken... my sister, too fat... the dog... mmm, don’t like the hair.’”

“Stop it!” (4). I can’t help giggling (5). “They just suddenly realized they were meant for each other.”

“Like Harry Met Sally.” He puts on a film-trailer voice. “They were friends. They came from the same gene pool.”

“Danny...” (6).